

Время пролетело в одно мгновение, и не успел я глазом моргнуть, как настал день окончания пари, 31-ое августа. С самого раннего утра поливал дождь. Подходящая погода для последнего дня жизни, подумал я, выглянув в окно. В прогнозе сказали, что дождь будет идти по всей стране в течение всего дня. По телевизору показали толпу людей, пробирающихся по городу с зонтами, и зачитали приблизительное количество осадков в каждой префектуре. Мы с Хаджикано бросили надежду выйти на улицу и целый день то валялись в комнате, то наблюдали за дождём с крыльца, то смотрели новости по телевизору. Именно потому, что сегодня был мой последний день, мы не хотели заниматься чем-то особенным, а просто наслаждались скудными, но доступными радостями. Вечером, когда мы слушали запись на проигрывателе, найденном в шкафу, Хаджикано подкралась ко мне и обняла со спины. Её руки остановились у моей груди, сжимающие нож для фруктов. «Эй, Хинохара, эти десять дней я правда была счастлива, – сказала на. – Всё это словно было во сне. Когда я укладывалась ночью и выключала свет, то продолжала думать: "Может, это на самом деле мне снится, пока я лежу без сознания после попытки самоубийства". Я переживала, что в следующий раз проснусь в больнице, одна-одинёшенька... Но когда утром я открывала глаза и отодвигала ширму, ты по-прежнему был здесь. И я была так рада понимать, что это не сон, но от этого же мне очень хотелось плакать». Хаджикано сделала паузу. «...Поэтому, пожалуйста», – умоляюще произнесла она, вкладывая мне в руку нож. Я отказался, а она надула губы: «Жестокий ты». Я взял нож из её рук и отнёс обратно на кухню. Когда я вернулся к шкафу, Хаджикано уже лежала. Она посмотрела на меня и спросила: «Тебе не нравится вид крови?» «Не знаю», – уклонился я от ответа. «Я не буду возражать, если ты меня задушишь». «Я подумаю». «Так я буду ощущать твоё тепло до самого конца».

«Мне кажется, ты им уже достаточно напилась в последние дни». «Совсем нет. Его много не бывает». «Жадная ты, хах». «Такая вот. Ты только это понял?» – улыбнулась она. И тогда я наконец заметил, что плачущая родинка у неё под глазом исчезла. Я приблизился к ней, чтобы рассмотреть её лицо и убедиться, что не ошибся. Так значит, эта родинка всё-таки была ненастоящая. Всё это время Хаджикано просила меня о помощи с помощью этого знака, придуманного в младшей школе. «Что-то не так?» – спросила она, моргнув. Я засомневался над ответом, но, дважды вздохнув, сказал только: «Ничего, просто воображение разыгралось». Сейчас я Юуя Хинохара. Странно будет заговорить о плачущей родинке. Это юрисдикция Ёсукэ Фукамачи – а он больше никогда не предстанет перед ней.

Теперь Хаджикано лежала с закрытыми глазами, словно чего-то ожидая от меня. Я растрепал её чёлку и легонько щёлкнул по лбу. Она распахнула глаза и тут же недовольно отвернулась. Эта реакция была настолько ребяческой, что я не смог сдержать улыбку.

После ужина я вышел наружу: прежний дождь превратился в слабую изморось. Мы предупредили Ёшиэ, которая читала вечернюю газету на кушетке, о своём уходе и вышли из дома. Когда я брал зонт с полки, Хаджикано поймала мою руку и покачала головой. Она сказала, что хватит и одного. Прижавшись друг к другу плечами под зонтиком, мы минут двадцать медленно шли от дома к побережью. Когда мы заметили свет, исходящий от крохотного маяка, дождь совершенно перестал. Мы сели на край пристани и прислушались к шуму волн. «Хинохара, – обратилась она ко мне. – По правде говоря, мне нужно кое-что извиниться». «О чём ты?» Она сделала глубокий вдох, прежде чем ответить.

«Прошлой ночью я дочитала свой дневник». Я ошарашенно посмотрел ей в лицо: «...Зачем? Разве ты не решила прекратить вспоминать?» «Прости». Хаджикано склонила голову и сжала в руках уголок своей рубашки. «Ну и что там написано?» – спросил я.

Она долго мялась, прежде чем ответить на этот вопрос. Я заставил себя не отводить взгляд на воду, терпеливо дожидаясь, когда Хаджикано заговорит. И, наконец, она нарушила молчание. «Хинохара. Прямо сейчас ты мне нравишься до безнадёжности. Но прежде, чем я потеряла память, кажется, такого не было. По крайней мере до тех пор, пока не бросилась в море, Юи Хаджикано любила Ёсукэ Фукамачи». Её слова перевернули весь мой мир с ног на голову. У меня отвисла челюсть. А она продолжила: «Судя по дневнику, до

этого я ещё раз пыталась совершить самоубийство в середине июля. Я собиралась повеситься в парке при храме, который рядом с моей школой. Ёсуке меня спас». Затем Хаджикано указала на место у себя под глазом. «Ты заметил, что моя плачущая родинка была поддельной?» Я беззвучно кивнул. «Это был знак, который имел смысл только для Хаджикано и Фукамачи. Что-то вроде сигнала бедствия. Когда тебе больно, но сложно быть искренним и попросить о помощи, ты рисуешь под глазом родинку, чтобы показать это. Так мы решили». Она накрыла глаз ладонью и провела пальцем вниз по щеке, словно обозначая путь скатывающейся слезинки. «Даже после того, как мы пошли в разные средние школы, я рисовала её, когда нуждалась в помощи, она была для меня своеобразным оберегом. Эта привычка осталась у меня и после потери памяти: даже не осознавая, почему я это делаю, всегда после того, как приняла ванну или умыла лицо, я чиркала маркером под глазом. ...И когда я поступила в старшую школу и увидела имя Ёсуке Фукамачи в списке класса, мне показалось, словно я попала в рай: "Ах, так Ёсуке правда пришёл спасти меня"». «Но, – перебил я, – но Фукамачи говорил, что Хаджикано, кажется, его ненавидела». «Ага. Не то чтобы ненавидела, но я действительно держалась на расстоянии, – ответила она, – потому что после того ужасного случая не могла смотреть ему в глаза. К тому же, я хотела, чтобы Ёсуке запомнил меня такой, какой я была в начальной школе. Мне не хотелось, чтобы воспоминания о нас были сокрыты образом меня, находящейся в столь позорном положении. ...К лучшему или к худшему, Ёсуке попал в аварию на весенних каникулах и пришёл в школу на три месяца позже. Так что до тех пор я могла не опасаться пересечься с ним». Она взглянула на меня, чтобы посмотреть на реакцию, а потом снова устремила взор вперёд. «Встретив Ёсуке месяцы спустя, я очень удивилась. Родимое пятно, которое покрывало правую сторону его лица, исчезло без следа. Когда я увидела его, то подумала: "Я не хочу его обременять". Узнав мою тайну, правильный Ёсуке точно отбросил бы всё, что со мной связано. Я не хотела вмешиваться в его жизнь, свободную от предрассудков по поводу родинки. Поэтому я оттолкнула руку помощи, которую он мне протянул, и продолжила отказывать ему».

«Думаю, Фукамачи был бы рад это узнать», – сказал я. Хаджикано усмехнулась. «Как бы я ни удалялась от Ёсуке, он следовал за мной. Он даже явно заявил о своих нежных чувствах ко мне. Я каждый раз пыталась осторожно его оттолкнуть, но... если честно, я была так счастлива, что не знала, что и делать с собой. Мысль, что он всё ещё думает обо мне так, вскружила мне голову. Но мне казалось, что, ответив на его привязанность, я только разочарую его, поэтому я сдерживалась. И чувствовала, что наверняка есть девушка, которая больше ему подходит». «Но в конце концов ты решила прекратить совместное любовное звёздами», – добавил я. «Я была такой слабовольной, – произнесла Хаджикано, будто бы насмехаясь над собой. – Под конец я впала в искушение и начала ходить с Ёсуке смотреть на звёзды каждую ночь. В глубине души я оправдывалась перед собой: "Я всё равно скоро себя убью, так разве не могу я помечтать немножко в конце?"» «И тогда ты встретила меня и Чигусу». «Да. ...Честно говоря, сперва мне не хотелось жертвовать временем, проведённым наедине с Ёсуке. Но когда мы поговорили, я поняла, что вы с Чигусой правда замечательные люди, и ты мне тотчас же понравился. Только, кажется, Чигуса интересовалась Ёсуке, поэтому я всегда находилась на грани, чтобы не покоситься на них. Конечно, я не показывала этого. Чигуса такая милая и искренняя, у неё нет недостатков, поэтому я решила, что скоро она уведёт у меня Ёсуке». Хаджикано посмотрела в ночное небо и вздохнула. «Странно, не так ли? Совсем недавно я пыталась держаться в стороне от Ёсуке, а теперь сетую на то, что кто-то мог его увести. Но даже так я бы старалась сохранить их отношения. ...И, несмотря ни на что, дни, проведённые вместе с вами, были прекрасны. Все вы находились на некотором удалении от меня, но позволяли за вас держаться, поэтому я могла спокойно расслабиться».

«...В таком случае, почему ты прыгнула в море?» Она опустила голову и беспокойно улынулась: «Я не могла простить себя за то, что наслаждаюсь жизнью. Это неправильно, когда кто-то, кто бросил двух девочек умирать, проживает такую чудесную юность. К тому же, я продолжала жаждать ещё большего счастья. Особенно мечтала о том, чтобы вернуть Ёсуке

от Чигусы. Я возненавидела себя за это и поэтому прыгнула в море». Видимо, её рассказ на этом закончился. Хаджикано смотрела на меня и ждала моего ответа на всё это. Приведя мысли в порядок, я спросил: «Ты всё ещё любишь Фукамачи?» «Да, – кивнула она, нисколько не сомневаясь. – Всё ещё люблю его. Я потеряла память, но, читая дневник, думала: "А-а-а, я люблю этого человека". ...Но это "любовь" той же направленности, что и привязанность к родителям, братьям и сёстрам. Не та "любовь", которую я чувствую к тебе, Хинохара. Потому что, когда ты пришёл ко мне в больницу и заключил в объятия, я впервые влюбилась по-настоящему». И потом Хаджикано потянулась ко мне и обняла. Я не знал даже, что и чувствовать. Потому что понимал, что своими действиями сам себя угробил. Потому что понимал, что изначально делал всё правильно. Как-то так, скорее всего.

□

Но на этом история не заканчивается. Той ночью я встретился с ведьмой.

□

Поднявшись, я первым делом проверил время. Видимо, я умудрился заснуть. Хаджикано спала на моём плече, тихо посапывая. Мои часы показывали 23:56. Несмотря на то, что пари должно было завершиться через пять минут, я был спокоен настолько, что нашёл это странным. Может, я испытал за эти десять дней счастья больше, чем за всю остальную жизнь. Поэтому торопиться не было нужды. Я не мог с уверенностью сказать, что у меня не осталось ни одного незавершённого дела, но просить большего было бы уже роскошью. Мою жизнь уже можно назвать полной. Я был рад, что Хаджикано спит. Если я растворюсь до её пробуждения, ей не придётся переживать этот решающий момент. Мне казалось, что будет лучше умереть тихо, пока Хаджикано не видит, словно кот, сбежавший от хозяев прямо перед смертью. Я уставился на секундную стрелку часов. Красная пластмасска неумолимо превращала "сегодня" в "завтра" секунда за секундой. Мне подумалось, что я так и буду играть с ней в гляделки до самого конца, поэтому я снял часы и выкинул их в море. Потом осторожно, чтобы не разбудить, уложил Хаджикано на землю и тихо направился к краю пристани.

Время текло медленно. Пять минут – даже меньше – казалось, растянулись на десять или двадцать. Говорят, что перед смертью повышается умственная активность и жизнь проносится перед глазами, так что, наверное, так и будет, подумал я сперва. Но на самом же деле это были самые долгие четыре минуты. Как будто продолжительность секунды с каждой последующей только увеличивалась. Или как будто с каждым утекающим мгновением завтрашний день немного отодвигался назад. Я даже подумал, что такими темпами я его никогда не дождусь. Как Ахиллес, преследующий черепаху, которую никогда не догонит. И тогда я услышал шаги за спиной. Я обернулся, решив, что это проснулась Хаджикано, но, увидев, кто это, сглотнул. Удивительно то, что, когда мне внезапно раскрылась вся правда, она меня совершенно не встревожила. Нет, даже не так. Насколько я могу судить по собственной реакции, я, наверное, с самого начала думал, что появится она, и просто ждал, когда это произойдёт. Скорее всего, в какой-то момент я просто предположил, что это возможно. Ветер взметнул форменный галстук Первой старшей школы Мингисы на её груди. «Сколько лет, сколько зим», – произнесла Чигуса. «Ага. Давно не виделись, Огизэ», – ответил я, помахав ей. Чигуса села около воды и посмотрела на меня. «Можно сигаретку?» Я достал пачку из кармана, вынул последнюю сигарету и протянул Чигусе. Она взяла её в рот, и я поднёс зажигалку к её лицу. Чигуса закашлялась – видимо, было горько – и нахмурила брови. «Они действительно не особо вкусные, эх». Я встал рядом с ней и ещё раз оглядел её. Ошибки быть не может, это Чигуса Огизэ, которую я знаю. Её голос, её тело, её запах, поведение – всё это я запомнил в ней. Но она же оказалась той самой "женщиной из телефона", которая предложила мне пари. «Говори потише, – сказал я. – Я не хочу будить Хаджикано». «Не волнуйся, она не проснётся до рассвета», – с уверенностью произнесла

Чигуса. «Ты что-то с ней сделала?» «Хм. Кто знает, – расплывчато ответила она. – А вообще, Фукамачи, ты никак не удивился, увидев меня. Потрясающе». Удостоверившись, что Хаджикано спит без задних ног, я сказал Чигусе: «Они нашли замену для Мисс Минагисы». «Да, я знаю, – кивнула она. – И как она?» «Я видел её только на фотографии, но она миленькая». «Хм-м-м». «Но лично мне больше нравилась предыдущая». «Вот как. Ура!» – Чигуса радостно взметнула вверх руки. Я снова обернулся, чтобы проверить, не проснулась ли Хаджикано. А потом перешёл к делу. «Я только одного не могу понять». «Только одного? И чего же?» «Что случилось с настоящей Чигусой Огиз? Точнее, существовала ли вообще реальная девочка по имени Чигуса Огиз?» «Расслабься, – она ответила быстро, будто ожидала этого вопроса, – настоящая Чигуса Огиз, с которой ты познакомился в больнице, спокойно выписалась через два месяца после тебя. С ней всё нормально, она живёт в другом городе, где-то далеко. ...И, как ты понял, та Чигуса Огиз, которую ты встретил в старшей школе, была просто фальшивкой, моим прикрытием. Её с самого начала не существовало». «...Ясно. Рад это слышать, – благодарно склонил я голову. – Ну так превращай меня в пену, топи, делай, что душе угодно».

«Пожалуйста, не торопи события. В конце концов, мы же наконец-то снова встретились».

Я пожал плечами. Даже осознавая, что меня просто надули, мне было трудно поверить, что Чигуса и женщина из телефона были одним человеком. Естественно, у них различались голоса. Но не только они. Чигуса для меня была идеалом невинности и безобидности, а женщина из телефона – символом злонамеренности и пагубного влияния. Мне было сложно объединить их образы. Даже понимая, что это неоспоримый факт. «Фукамачи, когда ты начал меня подозревать?» – спросила Чигуса. «Не знаю, – покачал я головой, – но, когда я помогал тебе с репетицией, точно что-то промелькнуло». «То, что меня выбрали Мисс Минагисы, правда оказалось обычным совпадением, – искренне рассмеялась она. – Не находишь это ироничным? Чтобы я, да и сыграла именно роль русалки». «Ага. Иронично, да, – согласился я. – Эй, Огиз, можно мне ещё кое-что спросить?» «Ты всё ещё продолжаешь звать меня этим именем, – улыбнулась Чигуса. – В чём дело?» «Ты втянула меня во всю эту заварушку по какой-то более важной причине, чем просто из желания навредить?» «Да, верно, – медленно кивнула она. – Я хотела, чтобы в этот раз "Русалочка" закончилась хорошо».

«...Ясно». Из моих губ вырвался сухой смешок. «Кажется, ты потерпела неудачу».

Тут Чигуса наклонила голову: «...Что ты имеешь в виду?» «То, что тут счастливого конца не будет». После неестественно длинной паузы Чигуса вдруг прикрыла рот рукой и засмеялась. «Какой ты грубый, Фукамачи. Да ещё и тормозишь в самый важный момент».

«Что смешного?» – спросил я, оскорбившись. Чигуса сделала глубокий вдох, чтобы успокоится, и вытерла со щёк слезы, выступившие от смеха. Я не мог понять, о чём она вообще говорит. Она вытянулась в полный рост и торжественно заявила: «Поздравляю, Фукамачи. Ты выиграл пари».

□

Как я упоминал ранее, "Русалка Агохамы" больше похожа на смешение легенды о Яо Бикунни из Фукуи и "Русалочки" Ганса Христиана Андерсена. Всё начинается в маленькой рыбацкой деревушке под названием Агохама с девушки, которая съела мясо русалки, по неведению пойманной и приготовленной её отцом-рыбаком, и стала бессмертной, также не осознавая этого. Это было давным, давным-давно. За несколько лет, что прошли с того момента, как она съела русалочье мясо, никто не заметил изменений в ней. В её возрасте вполне обычно было переставать расти, поэтому даже сама девушка не догадывалась о своём бессмертии. Десять лет спустя всех начала поражать её необычная внешность. По сравнению с другими женщинами её возраста она слишком молодо выглядела. Белизна рук, блеск волос – ей словно было пятнадцать или шестнадцать. И не только. После того, как она попробовала мясо русалки, её тело приобрело какое-то необыкновенное очарование, даже

казалось, что она слегка светилась. И, естественно, юноши из её деревни были пленены её красотой. Но спустя ещё несколько десятков лет, когда у её одноклассников уже начинали седеть волосы, то, что у неё не проявлялось никаких признаков старения, стало казаться жителям деревни крайне странным. С ней произошла лишь парочка изменений. Это уже нельзя было списать на то, что она просто "хорошо сохранилась". Они стали задумываться, а человек ли она вообще?

Прошло ещё больше десятилетий. К тому времени большая часть друзей девушки умерла. И хотя утекло столько времени, её тело всё ещё не старело. На её глазах один за другим умирали люди, и каждый раз её сердце умирало вместе с ними. Когда же умер её последний друг, девушка решила уйти из родной деревни. Она стала буддистской монахиней и обошла всю страну, ища смерти. В своём долгом странствии она приобрела некую благословенную силу и стала использовать её, чтобы лечить больных и помогать бедным, но никак не могла найти способа избавиться от своего бессмертия. Прошло неопределимо огромное количество дней, и она уже не могла запомнить собственное имя. Со временем она забыла и причину своего путешествия, по случайному совпадению остановившись в своей деревне.

...Вы будете правы, отметив, что до этого между "Русалкой Агохамы" и "Яо Бикунь" не было особенных различий. Для пущей точности скажу, что легенда о Яо Бикунь существовала во многих местах помимо Фукуи. В зависимости от региона главная героиня могла быть дочерью богача или получить мясо русалки от таинственного незнакомца, но все они сходились в том, что бессмертная девушка стала буддистской монахиней, скиталась по стране и пришла домой.

Сказка о Яо Бикунь заканчивается смертью девушки по возвращении на родину. Но "Русалка Агохамы" с этого только начинается. Вернувшись в свою родную рыбацкую деревушку спустя века, измотанная существованием, переполненным чужими смертями, девушка разрывает все связи с людьми и решает жить в море. Но, видя человека, попавшего в беду, она не могла не помочь ему, поэтому относилась к людям после кораблекрушения на берег и спасала утопающих, после чего в деревне ей стали поклоняться как морскому богу. Однажды ночью девушка спасла молодого рыбака, потонувшего в шторм. Он едва был в сознании, однако поблагодарил её, крепко сжав её руку. Так она влюбилась в рыбака, который был на сотни лет младше её. Каждый раз, когда он приходил ловить рыбу, её сердце начинало биться чаще. В эти мгновения она снова чувствовала себя шестнадцатилетней.

И вот, пару лет спустя, девушку посетила юная русалка. Она сказала, что хочет обратиться за помощью к её силам. Девушка выслушала русалку и поняла, что та полюбила человеческого мужчину. Она сказала, что пойдёт на любые жертвы, чтобы тоже стать человеком и жить вместе с ним. С мыслями о молодом рыбаке, девушка почувствовала положению русалки и превратила её хвост в человеческие ноги. Но она не знала, что мужчина, которого любила русалка, и рыбак, которого любила она, были одним человеком. Когда они распрощались, русалка сказала: «О чём я думала, влюбившись именно в рыбака? Даже мою мать убил рыбак...» Девушка задумалась. А что если "мать, убитая рыбаком" и была той русалкой, что поймал её отец? Не её ли мясо она съела тогда?

Когда же она узнала, что русалка полюбила того молодого рыбака, то сразу раскаялась в своих действиях. Но она не могла помешать их отношениям. Я съела мясо её матери, поэтому обязана охранять её счастье. Это меньшее, что я могу сделать, чтобы искупиться, думала она. И вот молодой рыбак и русалка поженились. Они прожили счастливую жизнь. Казалось, что у них не возникало даже повода для недовольства друг другом. Но судьба всё-таки насмеялась над ними. Однажды русалка, не в силах больше скрывать это от мужа, призналась в том, что прежде была русалкой, не человеком. И это перелилось в трагедию. Рыбак потерял обоих своих родителей во время бури, когда ещё был юн, а в деревне тогда верили, что бури вызывают своим пением русалки. Поэтому он испытывал к ним сильную неприязнь.

Узнав, что его жена была русалкой, рыбак сбежал, а после бросился в бушующее море. Русалка прыгнула за ним, чтобы спасти его, но, больше не имея хвоста, не смогла вынести его в плыв. К тому времени, когда всполошилась бессмертная девушка, они давно уже утонули. Она долго убивалась и в конце концов решила отгородиться ото всех и жить на дне. Такова суть легенды о русалке Агохамы. Но Чигуса дополнила

её. «С тех пор прошло несколько веков, и, ненадолго вновь покинув море, девушка спасла тонущего мальчика. Он чем-то напоминал молодого рыбака, и, имея примерно тот же образ мыслей, почти ежедневно потом приходил на пляж. Тогда-то он и запал девушке в душу. Мальчик полюбил одну девочку, но, чувствуя, что не подходит ей, хранил эти чувства в себе. Я хочу помочь ему, подумала девушка. В этот раз всё сработает. Больше никаких ошибок. Я сделаю так, чтобы его любовь стала взаимной».

□

«Я выиграл?» Чигуса кивнула. «Да, правильно. Ты преодолел все напасти и чудесным образом добился от Хаджикано взаимности. Хотя, видимо, сам ты это ещё не понял».

«О чём ты? – я неосознанно повысил голос. – Разве это может быть правдой? В смысле, ведь Хаджикано...» Чигуса перебила меня: «Хаджикано не такая тугодумка, как ты думаешь. Она давно уже догадалась, что ты Ёсуке Фукамачи, прикрывающийся именем Юуи Хинохары».

Я был слишком сильно удивлён, чтобы ответить. «Вспомни вашу недавнюю беседу. Хаджикано сказала тебе в лицо, что всегда тебя любила, а теперь любит только сильнее, – пожалала плечами она. – Ты серьёзно этого не понял?» У меня дрогнули колени и я повалился на землю. Чигусу насмешила моя реакция. «Ей было удобно притворяться обманутой. Она не решалась признать, что испытывает чувства к Фукамачи, но раз уж ты "Фукамачи в шкуре Хинохары", она могла открыться, не нагружая себя». Я припомнил все свои разговоры с Хаджикано за последние несколько дней. Тогда... и тогда... и тогда тоже...

Хаджикано знала, кто я, и всё равно отвечала на мою привязанность? Я лёг на спину и пробурчал, закрыв лицо руками: «Какой же я был дурак». «Да, определённо», – согласилась Чигуса. «То есть, по сути, всё было предопределено с самого начала?» «Всё верно».

Я убрал руки и спросил: «Тогда почему ты всё ходила вокруг да около? Если ты хотела просто сделать так, чтобы моя любовь была счастливой, тогда зачем убрала моё родимое пятно, зачем появилась передо мной в образе Чигусы?» «Я хотела, чтобы вы оба испытали множество трудностей. Забрав твою родинку – твоё основное оружие, которым ты вызвал сочувствие у Хаджикано; приняв облик Чигусы Огиэ, чтобы пошатнуть твои чувства; создав ситуацию, где единственным спасением было убийство Хаджикано, я хотела удостовериться, что вы можете это преодолеть». «...Понятно, – ответил я. – Кстати, в том письме, которое ты отправила, говорилось о "способе выжить нам обоим". Это была ловушка?» «Да. Хаджикано увидела в тебе Фукамачи лишь потому, что ты постоянно приглядывал за ней эти десять дней. Если бы ты послушался письма и решил найти "женщину из телефона", вы бы слишком мало были вместе, чтобы она смогла понять к этому времени, кем ты на самом деле являешься».

Я уже было принял это, но вдруг появилось новое сомнение: «Но один раз ты соединила телефонные линии, чтобы мы с Хаджикано могли поговорить, верно? Что это было? Простая прихоть?» Чигуса почесала щёку со сконфуженным видом: «Это вообще не вписывалось в мой план. Я и представить себе не могла, что ты попытаешься выжечь себе лицо. В том смысле, что я к этому не стремилась. Меня это ошеломило, но в то же время восхитило. Я увидела, что ты действительно готов так далеко зайти ради Хаджикано. Чтобы обрубить это безрассудство на корню, я позволила вам поговорить по телефону десять минут. ...А, да, у тебя есть пепельница?» «Нет. Кидай сюда». Я протянул ей пустую пачку. Она усмехнулась, положила окурки на ладонь и протянула мне. Мгновение спустя он обратился в белую камелию. В отличие от моих фокусов, тут, скорее всего, не было никакого обмана. Чигуса отдала мне цветок, а в глазах у неё читалась насмешка. Я поднёс его к носу и почувствовал слабый сладковатый запах. «Пожалей Хинохару, – произнёс я, – Огиэ ему очень нравилась».

«Правда, что ли? – Чигуса сложила руки с удивлённым видом. – Но не волнуйся. С рассветом обо мне никто не вспомнит». «Даже я?» «Даже ты. Ты не рад?» «Я всё это время обманывала тебя, разве нет? – примирительно заметила Чигуса. – Я играла эту поддельную "Чигусу Огиэ", улыбаясь про себя и думая: "Если я поступлю вот так, это

наверняка поубавит решимость Фукамачи". Ты оправданно можешь злиться на меня».

«...Да, может, так и есть, – я оторвал взгляд от камелии, встал и повернулся к Чигусе, – но даже так мне полюбилось время, которое мы провели вместе. И, думается мне, тебе оно тоже не противно. Разве нет?» «...Ты бьёшь по самому больному, – сказала она, пытаясь сдерживать эмоции, и ударила меня лбом в грудь. – Ты и правда плохой человек, Фукамачи».

«Кто бы говорил», – ответил я. Чигуса подняла голову и печально улыбнулась: «Сперва я сблизилась с тобой, просто чтобы проверить твою преданность. Но, спустя полмесяца пребывания Чигусой Огиэ, я поняла, что эта роль мне определённо нравится. Меня поглотила сущность, которую я создала. Она стала частью меня, и я временами даже забывала, кем на самом деле являюсь. Когда я была с тобой, я действительно была "Чигусой Огиэ", забыв о своём прошлом. ...Но всё же. Мне не впервые разбивают сердце. Меня подобное не ранит».

Она отстранилась от моей груди, встала на край причала спиной к воде, подняла глаза на ночное небо, а затем снова повернулась ко мне. «Открою ещё один секрет фокуса из моей коллекции. Начёт родимого пятна, которое я убрала с твоего лица, Фукамачи. По правде говоря, оно и так прошло бы со временем. Я просто слегка ускорила этот процесс. Считай, что ничего не сделала». Я немного подумал и покачал головой: «Это "слегка ускорила" было очень важно. Если бы у меня всё ещё была родинка на момент воссоединения с Хаджикано, думаю, наши отношения вышли бы более созависимые и деструктивные. Так что спасибо».

«Не стоит благодарности, – улыбнулась Чигуса, зажмурившись. – ...Послушай, Фукамачи. Даже когда я уйду, пожалуйста, не расслабляйся. Тебе осталось выполнить твой последний уговор». «Последний уговор?» Чигуса прошептала что-то. Когда же я приблизил к ней ухо, чтобы расслышать, что она там говорит, она приподнялась и легонько коснулась губами моей щеки. Моё удивление вызвало на её лице довольную улыбку, и Чигуса прыгнула с причала. Я рефлекторно попытался схватить её за руку, но не успел вовремя. Мгновением позже я увидел, как она приземлилась на воду. Не в воду, а на неё. И она пошла по ней, как будто над её поверхностью был ещё невидимый сантиметр пола. Я замер в замешательстве, наблюдая за тем, как она удаляется. Пройдя где-то метров десять, она обернулась. «До свидания, Фукамачи. У меня никогда не было такого весёлого лета. Моё единственное сожаление развеялось, и теперь я, наконец, смогу найти покой». Сразу же после этого на меня налетел ветер, настолько сильный, что я не мог не зажмуриться. Когда же он перестал дуть и я вновь открыл глаза, Чигуса исчезла.

□

Горизонт окрасился в оранжевый, и я смог различить желтовато-зелёный переход между ним и тёмно-синим небом. Застрекотали утренние цикады, и очертания всего вокруг постепенно стали поясняться. Солнечные лучи прочертили на море белую сияющую дорожку перпендикулярно границе неба и моря. Землю наполнило утреннее спокойствие, и ветерок, который я долго чувствовал на своей коже, наконец успокоился. Хаджикано, спавшая на моих коленях, открыла глаза. Увидев моё лицо, она улыбнулась: «Как хорошо. Ты ещё здесь». Усевшись, она прильнула ко мне и потёрлась своей щекой о мою, чтобы убедиться, что я действительно тут. «Эй, Хаджикано. Видимо, пока мне умирать не придётся».

«...Правда?» «Правда. Надеюсь, я смогу остаться здесь». «На сколько?» «Ну... на сколько угодно». «Навсегда?» «Да, навсегда». «Ты не лжёшь?» «Неа. Мне надоело тебе врать, Хаджикано. Поэтому не нужно больше притворяться дурочкой». Спустя несколько секунд молчания я почувствовал, как её тело внезапно разогрелось в моих руках.

«Ёсуке?» – робко спросила она. «Ага, – кивнул я, – больше не Хинохара». Хаджикано подняла голову и вгляделась в моё лицо. «Добро пожаловать обратно, Ёсуке». «Да. Я вернулся». Всё ещё обвивая меня руками, Хаджикано смущённо улыбнулась и закрыла глаза. И я исполнил "последний уговор", о котором сказала мне Чигуса.

<http://tl.rulate.ru/book/9410/241483>